

В.Н. Кудряшев

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1920–1980-е гг.)

Проводится историографический анализ исследований, посвященных отражению национальных проблем Российской империи в русской общественной мысли второй половины XIX в. Показана влияние доминирования марксистско-ленинской идеологии на политизированность и категоричность суждений многих авторов. Выделяются качественно различающиеся периоды в исследовании национального дискурса русской общественной мысли. Делается вывод о неравномерном изучении различных течений русской общественной мысли в советской историографии.

Ключевые слова: историография; общественная мысль; славянофильство; консерватизм; либерализм; социализм; марксизм; национализм.

К настоящему времени историографические исследования по истории общественной мысли России XIX в. велись, как правило, в рамках отдельных течений, акцентируя внимание на общих социально-политических, философских идеях и воззрениях русских мыслителей [1. С. 246–270; 2. С. 133–160; 3. С. 5–22; 4. 397–408; 5; 6. С. 220–225]. Между тем многие значимые проблемы, связанные с определением роли и места национального вопроса в общественной мысли России второй половины XIX в., стали объектом научных исследований. Данная историографическая традиция, начавшаяся еще в конце XIX в., включает работы дореволюционных, советских, эмигрантских и современных исследователей.

Первый период – дореволюционный – носил на себе явный отпечаток публицистических баталий, так как оценивалось развитие идей не только собственно направления, но и оппонентов. Кроме того первые историографические обзоры делались в ходе дискуссий их непосредственными участниками, что затрудняет задачу отделения историографических источников от исторических [7. С. 63–67].

Переход к советскому периоду историографии характеризуется утверждением односторонности в подходах к изучению истории общественной мысли России, господством единой классовой марксистско-ленинской парадигмы.

Произошло четкое разделение течений общественной мысли на единственно верное – марксистское, и все остальные, объявленные идеологическими противниками. Поэтому история социалистического движения в России распалась на два этапа: подготовительный, когда шел идеологический и теоретический поиск и отрабатывались организационные формы революционного движения, и с 1880-х гг. – собственно этап подготовки социалистической революции. Если на первом этапе народничество несло в себе самые передовые идеи, то на следующем оно превратилось в противника пролетарского революционного движения. Соответственно, основоположники народничества и революционные организации, прежде всего, «Народная воля», освещались в достаточно позитивных тонах, но народническое движение

1880–1890-х гг. становилось утраченным революционный потенциал и выродившимся в либеральное движение. При этом к отражению национального вопроса в народнических программах был утрачен какой-либо научный интерес [8. С. 32–41; 9. С. 95–119; 10. С. 7–50; 11. С. 11–26].

Из работ 1920-х гг. можно выделить биографию М.А. Бакунина, написанную Ю.М. Стекловым [12]. В эпизодах участия М.А. Бакунина в революционных событиях 1848–1849 гг. достаточно подробно описаны увлеченность революционера идеями Всеславянской федерации и его искренняя вера в возможность преодоления недоверия между славянскими народами и даже поляками и русскими. Автор опровергает обвинение русского революционера в панславистских идеях, поскольку и тогда и позже он не выдвигал в качестве обязательной цели лидерство России в этом союзе. Более того, Ю.М. Стеклов постоянно подчеркивал, что при всей жажде революции в России М.А. Бакунин мыслил исключительно общеевропейскими масштабами, и Россия для его идей была лишь одним из регионов будущих революционных битв. Поэтому и во взаимоотношениях с поляками он готов был идти на гораздо больший компромисс, чем А.И. Герцен, не скрывавший желания сохранить Российское государство в послереволюционный период. Сама славянская федерация была для анархиста лишь одним из элементов послереволюционного устройства Европы [12. С. 264, 283–286]. Данный сюжет вновь был рассмотрен в работе З.П. Базилевой, посвященной истории «Колокола». Автор указывала на стремление М.А. Бакунина привлечь русских революционеров к участию в польских событиях, в то время как А.И. Герцен достаточно категорично выступил против этого [13. С. 247–251].

В 1920-е – 1950-е гг. в советской исторической науке взгляд на интерпретацию национального вопроса в воззрениях консерваторов очевидно утратился. Их идеи были интересны исследователям в основном как предшественники черносотенного движения, различия с которым пропадали [14]. Более того, в 1930-е гг. на волне идеологического противостояния с фашизмом нередко были случаи объявления рус-

ских консерваторов основоположниками идеологии крайнего национализма [15. С. 427].

Советские исследователи славянофильства 1920–1950-х гг. сосредоточили свое внимание на его оценке с точки зрения классового подхода [16. С. 74, 110]. В немногочисленных работах этого периода славянофилы представляли «реакционерами, защитниками крепостного права» либо «группой националистически настроенной буржуазии» [17. С. 125–145; 18. С. 193–201]. В данном диапазоне идентификации славянофильства как буржуазного либо помещичьего общественного течения проходили дискуссии, акцентированные на социально-политической деятельности славянофилов, их участии в общественно-политической борьбе середины – второй половины XIX в. [19. С. 85–97; 20]. Обращение к национальным проблемам носило фрагментарный характер, чаще всего было ограничено общими заявлениями о стремлении консерваторов отвлечь трудящихся националистическими лозунгами от социальной борьбы [21. С. 48–56; 22. С. 71–79].

В 1960–1980-е гг. работы приобретают более объективный характер, хотя и остаются на позициях классово-идеологического подхода в оценке либерального и консервативного течений общественной мысли XIX в. как идейных антагонистов революционной идеологии. В этот период вышли работы П.А. Зайончковского, в которых внимание уделено ведущим государственным и общественным деятелям периода контрреформ и делается попытка отделить «реакционные» утопии с откровенно шовинистическими позициями от консервативных, не чуждых поискам компромисса в национальном вопросе [23. С. 170–194]. П.А. Балугин, изучавший политику правительства Александра III в отношении печати, предложил несколько сюжетов, связанных с освещением в российской прессе положения национальных окраин [24].

В 1970-е гг. исследование консерватизма начинает оформляться как самостоятельное направление в советской историографии. В определенной степени прорывом в исследовании национальной проблематики в консервативной мысли России стала работа В.А. Твардовской, посвященная общественно-политической деятельности М.Н. Каткова [25]. В.А. Твардовская видела в М.Н. Каткове главного имперского идеолога, оказывавшего существенное и непосредственное влияние на правительственную политику. Стержнем его идей и главной целью было сохранение единства Российской империи как важнейшего условия ее реформирования и сохранения статуса великой державы. В книге М.Н. Катков предстает твердым и убежденным апологетом абсолютизма и самых решительных мер по подавлению любого инакомыслия и покушения на империю. Перелом во взглядах М.Н. Каткова, некогда слывшего либералом, В.А. Твардовская связывала с польским восстанием 1863 г., ставшим вызовом для самого существования империи. Жесткая и однозначная позиция русского консерватора, оправдывавшего любые меры, направленные на подавление польского сепаратизма, противопоставляется славянофильской и либеральной, традиционно двойственной, призывавшей к установле-

нию в Польше «культурной автономии», но после того как она будет усмирена диктаторскими методами [25. С. 30–32].

Монография опиралась на большой фактический материал, и ее автору удалось показать сложность и неоднозначность подходов к польскому вопросу в русском обществе. По мнению исследователя, даже в правительственных кругах и высших слоях дворянства не было единства в выборе вариантов политики «усмирения» Польши [Там же. С. 43–44]. Традиционно для советской историографии, при рассмотрении национальных конфликтов, автор видела в них проявление общего кризиса самодержавия. Апелляция М.Н. Каткова к национализму интерпретировалась как попытка противодействия социальной борьбе в самом русском обществе, а Польское восстание представлялось одним из эпизодов роста социально-политической борьбы народов России с самодержавием [Там же. С. 54].

В.А. Твардовская писала о восприятии консерватором польско-русского противостояния как решавшего судьбу существования русского народа и русского государства, но данный тезис опровергался несовпадением интересов царизма и русского народа. Кроме того, указывалось в книге, М.Н. Катков выступил с резкой критикой Н.Н. Страхова, попытавшегося увести польско-русское противоборство в область конкуренции двух культур и оправдывавшего неудачу обрусения превосходством польской культуры. Это, по мнению советского историка, подтверждало апологию консерватором русской империи, но не национальных интересов русского народа [Там же. С. 25, 62].

В то же время в монографии отмечалось, что, отвергнув идеи Н.Н. Страхова, М.Н. Катков сам попытался обратиться к идее духовного единства империи с ее национальными окраинами. Поэтому обрусение было не под силу только государству, а требовало участия всего русского общества. Иллюстрируя реализацию данного тезиса на страницах Московских новостей, В.А. Твардовская не видела различий в задачах русификации, предлагавшихся М.Н. Катковым для самой Польши и Западного края, хотя консерватор считал, что именно там развернулась борьба против полонизма, т.е. попыток польской ассимиляции русского населения. Однако, пишет В.А. Твардовская, публицист изначально исключал участие местной интеллигенции в своих проектах, считая, что она представлена исключительно русофобской шляхтой. Поэтому проведение русификации вылилось в усиление давления великорусских бюрократов на национальную культуру и образование [Там же. С. 63].

В.А. Твардовская сделала центром своего исследования позиции М.Н. Каткова в национальном вопросе польскую проблему и совсем немного внимания уделила его отношению к Финляндии и Остзейскому краю, указав на полное неприятие консерватором любых поползновений на самостоятельность национальных окраин империи. Автор справедливо отметила «неоабсолютистскую» трансформацию понятия «народность». В катковской интерпретации оно утратило значение соответствия самодержавия интересам народа и приобрело противоположный смысл откры-

той и прямой поддержки народом власти [25. С. 72]. В целом, несмотря на заметное местами влияние идеологии при оценке деятельности русского консерватора, монография стала значительным шагом в исследовании национальной идеологии русского консерватизма.

В 1960-е гг. заметно вырос интерес исследователей к славянофильству. Значительный резонанс в научном мире имела дискуссия о славянофильстве, начавшаяся в 1969 г. на страницах журнала «Вопросы литературы» статьей А.Л. Янова. Первоначально в качестве темы для обсуждения была заявлена раннеславянофильская литературная критика, но дискуссия сразу же вышла за ее рамки. Исследователь обратил внимание на необходимость более дифференцированного подхода к консервативному крылу русской общественной мысли, выделив в нем «сразу две конкурирующие националистические идеологии» – славянофильскую и «крепостническую» [26. С. 95]. По его мнению, в советской научной литературе была недостаточно показана оппозиционность славянофилов, идеям которых приписывалось полное соответствие теории официальной народности [Там же. С. 91–116]. Статья вызвала неоднозначную реакцию в среде исследователей. С. Покровский увидел в позиции А. Янова покушение на классовый подход к изучению общественной мысли [27. С. 117–118]. А. Дементьев, напротив, указал на отсутствие принципиальных новаций в идеях А. Янова, напомнив о еще довоенных работах С.С. Дмитриева, где подобный подход нашел достаточно полное освещение [28. С. 117].

Наиболее радикальное мнение высказал В.В. Кожин, посчитавший, что дискуссия о классовой природе славянофильства вторична. Значение славянофилов он видел в продолжении многовековой традиции «самобытничества» в русской общественной мысли. Статья В.В. Кожина выбивается из советского исторического дискурса и схожа по стилистике с дореволюционными научными трудами. Автор отмечал несправедливость обвинения ранних славянофилов в панславизме, подчеркивая их нацеленность на сохранение русской национальной духовности и культуры. То, что славянофильство сделало национальный вопрос приоритетным в своей общественно-публицистической деятельности, еще не являлось основанием объявления их националистами [29. С. 113–114, 130].

Подобная апология славянофильства вызвала довольно резкую отповедь С.И. Машинского, опиравшегося на ортодоксальную версию о перерождении славянофильства в «воинствующий национализм и панславизм, оголтелый религиозный обскурантизм и откровенное мракобесие...» [30. С. 102–140]. Дискуссия показала широкий разброс мнений по истории славянофильства и готовности советских историков к более объективному его изучению, в том числе позиции по национальному вопросу.

Однако в 1970–1980-е гг. преобладающей осталась традиционная трактовка славянофильских взглядов на национальные проблемы. Попытки дифференциации консервативного крыла общественной мысли и отграничения позиций славянофилов от охранительного

направления практически не затрагивали национальных аспектов. Здесь славянофилы представляли адептами панславизма, ставшего идеологическим оформлением агрессивной политики царского самодержавия. Во внутренней политике славянофилы отождествлялись с охранителями в поддержке курса правительства на подавление национально-освободительных движений [31; 32. С. 227–295; 33. С. 16–31; 34. С. 49–61].

Попытку отойти от такой интерпретации предпринял Н.И. Цимбаев. Настаивая на несовпадении позиции консерваторов и славянофилов, исследователь сосредоточился на доказательстве верности данного тезиса в отношении социально-политических вопросов. Но в его книгах можно проследить и отношение славянофилов к некоторым национальным проблемам, прежде всего польско-русским отношениям [35, 36]. Обращаясь к позиции И.С. Аксакова, исследователь пишет об оценке им польского восстания как национального, в противоположность М.Н. Каткову, видевшему в нем «просто мятеж или бунт». Но одновременно славянофильские издания не принимали безусловной поддержки польских сепаратистов «Колололом» А.И. Герцена. Вместе с тем исследователь показал наличие серьезных разногласий в самом славянофильском движении в оценке правительственной политики в Польше между Ю.Ф. Самариным, полагавшим жесткие меры вынужденной необходимостью, и В.А. Елагиным, И.С. Аксаковым, считавшими их чрезмерными [Там же. С. 111–112].

Данный период в советской историографии был отмечен количественным и качественным ростом исследований, посвященных истории русского либерализма. Но участие либералов в национальном дискурсе оставалось вне интересов советских историков [37. С. 429–439; 38–40].

В 1960–1970-е гг. происходят очевидные позитивные перемены в изучении российского социалистического движения XIX в. Это не привело к полному отказу от восприятия народничества как утопического крестьянского социализма и обязательной критики его на основе цитат из работ В.И. Ленина, но акценты в рассмотрении его истории сместились в направлении ее трактовки как закономерного и важного этапа революционного движения в России, высшей формой которого стал марксизм [41–43].

Как и в изучении других направлений общественной мысли, большое внимание было уделено исследованию взглядов и деятельности выдающихся социалистов: А.И. Герцена, М.А. Бакунина, М.Л. Лаврова, П.Н. Ткачева, но приходится констатировать, что их воззрения на национальный вопрос по-прежнему освещались слабо [44–48].

Оживилось изучение народнических революционных организаций. Здесь гораздо больше внимания стало уделяться национальным аспектам тактики и взаимоотношений с национальными социалистическими группами [49–52].

Одним из наиболее активно изучаемых сюжетов в истории российского социалистического движения становятся его отношения с польскими революционными организациями. При описании советскими исто-

риками событий Польского восстания 1863 г. главная вина за противоречия между русскими и польскими революционерами возлагалась на польское дворянство, составлявшее «белое» крыло освободительного движения и ставившее на первый план националистические цели [53. С. 195; 54. С. 129–137]. Но, как отмечали советские историки, в 1870–1880-е гг. с формированием польского социалистического движения связи его с русскими социалистами становятся прочными, так как приобретают общность целей. В литературе подчеркивалось, что выдвижение на первый план социально-политических задач сделало возможным сближение на основе классовой солидарности и исключало, тем самым, межнациональные противоречия в социалистическом движении [55; 56. С. 331–381].

Достаточно редким примером исследования, специально посвященного национальной проблематике, стала монография В.М. Хевролиной [56]. Главным объектом изучения в ней являлось отношение русских социалистов к национальным процессам Европы 1860–1880-х гг. Автор акцентировала внимание на дифференцированном подходе народников к формирующейся национальной идеологии. Критерием стало требование обязательного сопровождения национальных задач социальными. Поэтому поддержку вызывали отнюдь не все национально-освободительные движения [56. С. 70, 73–76]. Большой интерес представляет раскрытие взглядов идеологов русского социализма на проблему национального государства. Автор указала на различия в их подходах, колебавшихся от анархистского федерализма М.А. Бакунина до жесткого унитаризма П.Н. Ткачева. Так же и в программах народнических организаций присутствовали оба варианта будущего государственного устройства России, хотя в конечном итоге стала доминировать централизованная система [Там же. С. 79–81].

Работа написана на богатом фактическом материале, удачно иллюстрировавшем выводы автора. В целом исследование отличалось объективностью, и хотя здесь присутствовала обязательная для работ советского периода критика народнической точки зрения с противопоставлением ее марксистско-ленинскому национальному учению, впервые в советской историографии был настолько полно показан широкий спектр мнений теоретиков русского социализма по национальному вопросу.

В 1983 г. в Тбилисском государственном университете была защищена диссертация С.А. Цицкишвили по теме «Домарксистская русская общественная мысль о национальном вопросе». Работа носила ярко выраженный идеологический характер. Верность основных положений доказывалась соответствием ленинским идеям по национальному вопросу. Характеристика различных течений общественной мысли и их представителей также давалась на основе высказываний В.И. Ленина, в том числе относящихся к современным ему процессам [57. С. 4–5].

Бросается в глаза чрезвычайно скромный историографический обзор, ограниченный в основном литературой по истории философии 1950–1960-х гг. [57. С. 5–6]. Вызывает сомнение адекватность типологии направлений общественной мысли России. В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Некрасов, Н.Г. Чернышевский показаны «революционными демократами», чьи представления о перспективах и способах решения национальных проблем России преподносятся как совпадающие, основанные на патриотизме и интернационализме [Там же. С. 18–21]. Аналогичным образом в категорию «революционных народников» были определены не только М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев, М.А. Кропоткин, но и А.М. Скабичевский. Все они представлены как сторонники права наций на самоопределение, безусловно поддерживавшие национально-освободительные движения, несмотря на подчинение национального вопроса требованиям классовой борьбы [Там же. С. 26–27, 31]. Создатели теории «официальной народности» М.П. Погодин, Ф.А. Булгарин и славянофилы, чьи взгляды в диссертации определялись как идентичные ей, в трактовке С.А. Цицкишвили становились «идеологами царизма», апологетами политики усиления национального гнета и насильственной русификации [57. С. 14–15]. Либеральное направление, представленное идеями К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, А.Д. Градовского, В.С. Соловьева, выступает как оппозиционное славянофильскому национализму, поддерживавшее национально-освободительное движение в Европе. В то же время подчеркивалась ограниченность либералов, не понимавших сущности исторических процессов и боявшихся социальной революции [Там же. С. 34–35].

В диссертации рассмотрена трактовка понятий «нация», «национальность» различными течениями, дан анализ их представлений о предпосылках и ходе процесса формирования наций, но на основе марксистско-ленинской теории [Там же. С. 49–41]. Таким образом, работа имеет определенный историографический интерес, но вряд ли может рассматриваться как значительный вклад в изучение темы.

В целом советский период историографии проблемы характеризуется поступательным развитием исследовательского процесса, накоплением знаний о национальных аспектах идей различных течений общественной мысли России. Доминирование марксистской идеологии, безусловно, сказывалось на односторонности в подходах, особенно в 1920–1950-е гг., когда единственно верной признавалась точка зрения, полностью коррелировавшая с господствующими догматами. В то же время следует отметить появление в 1960–1980-е гг. профессиональных и качественных исследований, позволивших сделать существенный шаг вперед в исследовании темы. Но изучение велось достаточно неровно и фрагментарно, в рамках отдельных течений общественной мысли и по персоналиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Седов М.Г. Советская литература о теоретиках народничества // История и историки. М. : Наука, 1965. С. 246–270.
2. Волк С.С., Михайлова С.Б. Советская историография революционного народничества 70-х – начала 80-х гг. XIX в. // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. Ч. 1. С. 133–160.

3. Зверев В.В. Драматическая история историографического феномена: как «мирные народники» превратились в «мелкобуржуазных реакционеров» // Вестник РУДН. Сер. История России. 2009. № 3. С. 5–22.
4. Ивакин Г.А. Историография черносотенного движения в России: этапы становления // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 3–4. С. 397–408.
5. Троицкий Н.А. Русское революционное народничество 1870-х годов (история темы). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 98 с.
6. Широкова М.А. Место и роль славянофильства в русской философии и общественной мысли: историография проблемы // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2.2. С. 220–225.
7. Кудряшев В.Н. Национальные аспекты русской общественной мысли второй половины XIX в. в дореволюционной и эмигрантской историографии (1880–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6. С. 63–67.
8. Козьмин Б.П. П.Н. Ткачев и революционные движения 1860-х годов. М. : Новый мир, 1922. 210 с.
9. Валк С.Н. Молодая партия «Народной воли» // Проблемы марксизма. 1930. № 1. С. 95–119.
10. Сергиевский Н.Л. Черный передел и народники 80-х годов // Каторга и ссылка. 1931. № 1. С. 7–50.
11. Ярославский Ем. Разгром народничества. М. : Партиздат, 1937. 80 с.
12. Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность (1814–1876). М. : Сытин, 1927. Т. 2. 448 с.
13. Базилева З.П. «Колокол» А.И. Герцена. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1949. 295 с.
14. Залежский В.Н. Монархисты. Харьков : Пролетарий, 1929. 80 с.
15. Мещеряков Н.У истоков современной реакции // Литературное наследство. 1935. № 22–24. С. 407–432.
16. Рубинштейн Н.Л. Историческая теория славянофилов и ее классовые корни // Русская историческая литература в классическом освещении. М. : Изд-во Комкадемии, 1927. Т. 1. С. 51–118.
17. Державин Н.С. Герцен и славянофилы // Историк-марксист. 1939. № 1. С. 125–145.
18. Мещеряков Н.М. Западники и славянофилы // Труды Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина. Сб. IV. М., 1939. С. 193–201.
19. Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 85–97.
20. Дементьев А.Г. Очерки по истории русской журналистики 1840–1850 гг. М. ; Л. : Гослитиздат, 1951. 500 с.
21. Михайлов А.А. Революция 1848 г. и славянофильство // Ученые записки Ленинградского университета. Исторические науки. 1941. Вып. 8, № 73. С. 48–56.
22. Сладкевич Н.Г. К вопросу о полемике Н.Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 71–79.
23. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. 509 с.
24. Балуев Б.П. Политическая реакция 80-х гг. XIX в. и русская журналистика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. 313 с.
25. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М. : Наука, 1978. 279 с.
26. Янов А. Загадка славянофильской критики // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 91–116.
27. Покровский С. Мнимая загадка // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 117–128.
28. Дементьев А. «Концепция», «конструкция» и «модель» // Вопросы литературы. 1969. № 7. С. 116–128.
29. Кожин В. О главном в наследии славянофилов // Вопросы литературы. 1969. № 10. С. 113–131.
30. Машинский С. Славянофильство и его истолкователи (Некоторые итоги дискуссии) // Вопросы литературы. 1969. № 12. С. 102–140.
31. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М. : Мысль, 1983. 272 с.
32. Гальцева Р.П., Роднянская И.Б. Раскол в консерваторах: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, И.С. Леонтьев, К.П. Победоносцев в споре об общественном идеале // Неоконсерватизм в странах Запада. Социально-культурные и философские аспекты. М. : АН СССР ИНИОН, 1982. С. 227–295.
33. Дьяков В.А. Идея славянского единства в общественной мысли пореформенной России // Вопросы истории. 1984. № 12. С. 16–31.
34. Рабкина Н.А. Исторические взгляды К.Н. Леонтьева // Вопросы истории. 1982. № 6. С. 49–61.
35. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. 262 с.
36. Кизельштейн Г.Б. К эволюции историко-политических взглядов Б.Н. Чичерина // История и историки. М. : Наука, 1965. С. 429–439.
37. Китаев В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М. : Мысль, 1972. 288 с.
38. Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX веков. Л. : Наука, 1974. 442 с.
39. Зорькин В.Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX вв. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. 167 с.
40. Галактионов А.А. Никандров П.Ф. Идеологи русского народничества. Л. : Изд-во ЛГУ, 1966. 148 с.
41. Хорош В.Г. Народническая идеология и марксизм (конец XIX века). М. : Наука, 1972. 176 с.
42. Пантин И.К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М. : Политиздат, 1973. 358 с.
43. Виленская Э.С. Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х гг. XIX века. М. : Наука, 1979. 301 с.
44. Порох И.В. Герцен и Чернышевский. Саратов : Саратов. кн. изд-во, 1963. 212 с.
45. Шахматов Б.М. П.Н. Ткачев: этюды к творческому портрету М. : Мысль, 1981. 286 с.
46. Игенберг Б.С. П.Л. Лавров в русском революционном движении. М. : Наука, 1988. 301 с.
47. Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М. : Мысль, 1989. 256 с.
48. Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876–1879 гг.). М. : Высш. шк., 1961. 296 с.;
49. Игенберг Б.С. Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М. : Наука, 1965. 443 с.
50. Волк С.С. «Народная Воля». М. ; Л. : Наука, 1966. 490 с.
51. Широкова В.В. Партия народного права. Из истории освободительного движения 90-х гг. XIX века. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 206 с.
52. Белявская И.М. А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х гг. XIX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1954. 195 с.
53. Татаринова Л.Я. А.И. Герцен. М. : Мысль, 1980. 183 с.
54. Снытко Т.Г. Русское народничество и польское общественное движение (1865–1881 гг.). М. : Наука, 1969. 475 с.
55. Жигунов Е.К. П.Л. Лавров и его связи с польским революционным движением 70-х – 90-х гг. XIX века // Исследования по истории польского общественного движения XIX – начала XX в. М. : Наука, 1971. С. 331–381.
56. Хевролина В.М. Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. М. : Наука, 1986. 548 с.
57. Цицкишвили С.А. Домарксистская русская общественная мысль о национальном вопросе : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси : Тбилис. гос. ун-т, 1983. 49 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 апреля 2018 г.

NATIONAL ASPECTS OF RUSSIAN SOCIAL THOUGHT OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY IN SOVIET HISTORIOGRAPHY (1920s–1980s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 437, 136–142.

DOI: 10.17223/15617793/437/19

Viacheslav N. Kudryashev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

Keywords: historiography; social thought; Slavophilism; conservatism; liberalism; socialism; Marxism; nationalism.

The article shows how the transition to the Soviet period of historiography was accompanied by the assertion of one-sidedness in approaches to studying the history of Russia's social thought, the domination of a single class Marxist-Leninist paradigm. The author points to the obvious exaggeration in the Soviet historical science of the 1920s–1950s of the interpretation of the national question in the views of Russian Conservatives. Their ideas were of interest to researchers mainly as of predecessors of the Black-Hundred Movement, the differences with which disappeared. Soviet researchers of Slavophilism focused their attention on its assessment from the point of view of a class approach. The appeal to national problems was fragmentary, often limited to general statements about the Conservatives' desire to divert workers from social struggle by nationalist slogans. The article focuses attention on the two stages in the development of the socialist movement in Russia, identified by Soviet scientists: preparatory, when the ideological and theoretical search was underway and the organizational forms of the revolutionary movement were worked out, and since the 1880s and on, the actual stage of the preparation of the socialist revolution. If, at the first stage, the Narodniks represented the most advanced ideas, at the following stage they turned into the opponent of the proletarian revolutionary movement. Moreover, any scientific interest was lost to the reflection of the national question in the Narodniks' programs. The author emphasizes that in the 1960s–1980s works become more objective, although they remain within a class-ideological approach in assessing the liberal and conservative trends of social thought of the 19th century as ideological antagonists of revolutionary ideology. During this period, the traditional interpretation of the Slavophile views on national problems remained predominant. Attempts to differentiate the conservative wing of social thought and delimitate the positions of the Slavophiles from the security direction practically did not affect the national aspects. There are obvious positive changes in the study of the nineteenth-century Russian socialist movement. One of the most actively studied subjects in the history of the Russian socialist movement is its relations with Polish revolutionary organizations. The author comes to a conclusion that, as a whole, the Soviet period of the historiography of the problem is characterized by the progressive development of the research, the accumulation of knowledge about the national aspects of the ideas of various trends in Russia's public thought. The domination of Marxist ideology undoubtedly affected the one-sided approach, especially in the 1920s–1950s. At the same time, the article notes the appearance of professional and qualitative research in the 1960s–1980s, which made it possible to take a significant step forward in the study of the topic. But the study was conducted quite unevenly and fragmentarily, within the framework of certain currents of social thought and by personalities.

REFERENCES

1. Sedov, M.G. (1965) Sovetskaya literatura o teoretikakh narodnichestva [Soviet literature on the theorists of populism]. In: Nechkina, M.V. (ed.) *Istoriya i istoriki* [History and historians]. Moscow: Nauka.
2. Volk, S.S. & Mikhaylova, S.B. (1967) Sovetskaya istoriografiya revolyutsionnogo narodnichestva 70-kh – nachala 80-kh gg. XIX v. [Soviet historiography of the revolutionary Narodniks of the 1870s – early 1880s]. In: Shapiro, A.L. (ed.) *Sovetskaya istoriografiya klassovoy bor'by i revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii* [Soviet historiography of the class struggle and the revolutionary movement in Russia]. Pt. 1. Leningrad: Leningrad State University.
3. Zverev, V.V. (2009) Dramaticheskaya istoriya istoriograficheskogo fenomena: kak “mirnye narodniki” prevratilis’ v “melkoburzhaznykh reaktionerov” [The dramatic history of the historiographic phenomenon: how “peaceful Narodniks” turned into “petty bourgeois reactionaries”]. *Vestnik RUDN. Ser. Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 3. pp. 5–22.
4. Ivakin, G.A. (2011) Historiography of the Black-Hundred movement: stages of formation. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 3–4. pp. 397–408. (In Russian).
5. Troitskiy, H.A. (2003) *Russkoe revolyutsionnoe narodnichestvo 1870-kh godov (istoriya temy)* [Russian revolutionary populism of the 1870s (history of the topic)]. Saratov: Saratov State University.
6. Shirokova, M.A. (2013) The Place and Role of the Slavophilism in Russian Philosophy and Social Thought: the Historiography of the Problem. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 2.2. pp. 220–225. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2013)2.2-46
7. Kudryashev, V.N. (2013) National aspects of Russian social thought of the second half XIX century of the Russian pre-revolutionary and emigrant historiography (1880–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6. pp. 63–67. (In Russian).
8. Koz'min, B.P. (1922) *P.N. Tkachev i revolyutsionnoe dvizheniy 1860-kh godov* [P.N. Tkachev and the revolutionary movements of the 1860s]. Moscow: Novyy mir.
9. Valk, S.N. (1930) Molodaya partiya “Narodnoy voli” [The young Narodnaya Volya party]. *Problemy marksizma*. 1. pp. 95–119.
10. Sergievskiy, N.L. (1931) Chernyy peredel i narodniki 80-kh godov [Black repartition and the Narodniks of the 1880s]. *Katorga i ssylka*. 1. pp. 7–50.
11. Yaroslavskiy, Em. (1937) Razgrom narodnichestva [The defeat of populism]. Moscow: Partizdat.
12. Steklov, Yu. (1927) *Mikhail Aleksandrovich Bakunin. Ego zhizn' i deyatel'nost' (1814–1876)* [Mikhail Bakunin. His life and work (1814–1876)]. Vol. 2. Moscow: Sytin.
13. Bazileva, Z.P. (1949) “Kolokol” A.I. Gertsena [“The Bell” by A.I. Herzen]. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
14. Zalezhskiy, V.N. (1929) *Monarkhisty* [Monarchists]. Kharkov: Proletariy.
15. Meshcheryakov, N. (1935) U istokov sovremennoy reaksii [At the origins of the modern reaction]. *Literaturnoe nasledstvo*. 22–24. pp. 407–432.
16. Rubinshteyn, N.L. (1927) Istoricheskaya teoriya slavyanofilov i ee klassovye korni [The historical theory of Slavophiles and its class roots]. In: Pokrovskiy, M.N. (ed.) *Russkaya istoricheskaya literatura v klassovom osveshchenii* [Russian historical literature in its class coverage]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Komakademii.
17. Derzhavin, N.S. (1939) Gertsen i slavyanofily [Herzen and the Slavophiles]. *Istoriik-marksist*. 1. pp. 125–145.
18. Meshcheryakov, N.M. (1939) Zapadniki i slavyanofily [Westernizers and Slavophiles]. In: Meshcheryakov, N.L. (ed.) *Trudy Vsesoyuznoy biblioteki im. V. I. Lenina* [Proceedings of the Lenin All-Union Library]. Vol. IV. Moscow: Sotsekgiz.
19. Dmitriev, S.S. (1941) Slavyanofily i slavyanofil'stvo [Slavophiles and Slavophilism]. *Istoriik-marksist*. 1. pp. 85–97.
20. Dement'ev, A.G. (1951) *Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki 1840–1850 gg.* [Essays on the history of Russian journalism in 1840–1850]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.

21. Mikhaylov, A.A. (1941) Revolyutsiya 1848 g. i slavyanofil'stvo [The revolution of 1848 and Slavophilism]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta. Istoricheskie nauki*. 8(73). pp. 48–56.
22. Sladkevich, N.G. (1948) K voprosu o polemike N.G. Chernyshevskogo so slavyanofil'skoy publitsistikoy [On the issue of controversy of N.G. Chernyshevsky with Slavophile journalism]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 71–79.
23. Zayonchkovskiy, P.A. (1964) *Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–1880-kh godov* [The crisis of autocracy at the turn of the 1880s]. Moscow: Moscow State University.
24. Baluev, B.P. (1971) *Politicheskaya reaktsiya 80-kh gg. XIX v. i russkaya zhurnalistika* [The political reaction of the 1880s and Russian journalism]. Moscow: Moscow State University.
25. Tvardovskaya, V.A. (1978) *Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya (M.N. Katkov i ego izdaniya)* [The ideology of post-reform autocracy (M.N. Katkov and his editions)]. Moscow: Nauka.
26. Yanov, A. (1969) Zagadka slavyanofil'skoy kritiki [The Mystery of Slavophil criticism]. *Voprosy literatury*. 5. pp. 91–116.
27. Pokrovskiy, S. (1969) Mnimaya zagadka [An imaginary mystery]. *Voprosy literatury*. 5. pp. 117–128.
28. Dement'ev, A. (1969) "Konseptsiya", "konstruktsiya" i "model'" ["Concept", "Construction" and "Model"]. *Voprosy literatury*. 7. pp. 116–128.
29. Kozhinov, V. (1969) O glavnom v nasledii slavyanofilov [On the main in the Slavophile heritage]. *Voprosy literatury*. 10. pp. 113–131.
30. Mashinskiy, S. (1969) Slavyanofil'stvo i ego istolkovateli (Nekotorye itogi diskussii) [Slavophilism and its interpreters (Some results of the discussion)]. *Voprosy literatury*. 12. pp. 102–140.
31. Dudzinskaya, E.A. (1983) *Slavyanofily v obshchestvennoy bor'be* [Slavophiles in public struggle]. Moscow: Mysl'.
32. Gal'tseva, R.P. & Rodnyanskaya, I.B. (1982) Raskol v konservatorakh: F.M. Dostoevskiy, V.I. Solov'yev, I.S. Leont'yev, K.P. Pobedonostsev v spore ob obshchestvennom ideale [The split in the conservatives: F.M. Dostoevsky, V.I. Soloviev, I.S. Leontyev, K.P. Pobedonostsev in a dispute about the social ideal]. In: Gal'tseva, R.P. (ed.) *Neokonservativizm v stranakh Zapada. Sotsial'no-kul'turnye i filosofskie aspekty* [Neoconservatism in Western countries. Socio-cultural and philosophical aspects]. Moscow: USSR AS, Institute of Scientific Information for Social Sciences.
33. D'yakov, V.A. (1984) Ideya slavyanskogo edinstva v obshchestvennoy mysli poreformennoy Rossii [The idea of Slavic unity in the social thought of post-reform Russia]. *Voprosy istorii*. 12. pp. 16–31.
34. Rabkina, N.A. (1982) Istoricheskie vzglyady K.N. Leont'eva [Historical views of K.N. Leontiev]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 49–61.
35. Tsimbaev, N.I. (1978) *I.S. Aksakov v obshchestvennoy zhizni poreformennoy Rossii* [I.S. Aksakov in the public life of post-reform Russia]. Moscow: Moscow State University.
36. Kizel'shteyn, G.B. (1965) K evolyutsii istoriko-politicheskikh vzglyadov B.N. Chicherina [On the evolution of historical and political views of B.N. Chicherin]. In: Nechkina, M.V. (ed.) *Istoriya i istoriki* [History and historians]. Moscow: Nauka.
37. Kitaev, V.A. (1972) *Ot frondy k okhranitel'stvu. Iz istorii russkoy liberal'noy mysli 50–60-kh godov XIX veka* [From the Fronde to security. From the history of Russian liberal thought of the 1850s–1860s]. Moscow: Mysl'.
38. Levin, Sh.M. (1974) *Ocherki po istorii russkoy obshchestvennoy mysli. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov* [Essays on the history of Russian social thought. The second half of the 19th – early 20th centuries]. Leningrad: Nauka.
39. Zor'kin, V.D. (1975) *Iz istorii burzhuazno-liberal'noy politicheskoy mysli Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [From the history of bourgeois liberal political thought in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Moscow State University.
40. Galaktionov, A.A. & Nikandrov, P.F. (1966) *Ideologi russkogo narodnichestva* [The ideologists of Russian populism]. Leningrad: Leningrad State University.
41. Khoros, V.G. (1972) *Narodnicheskaya ideologiya i marksizm (konets XIX veka)* [Populist ideology and Marxism (end of the 19th century)]. Moscow: Nauka.
42. Pantin, I.K. (1973) *Sotsialisticheskaya mysl' v Rossii: perekhod ot utopii k nauke* [Socialist thought in Russia: the transition from utopia to science]. Moscow: Politizdat.
43. Vilenskaya, E.S. (1979) *N.K. Mikhaylovskiy i ego ideynaya rol' v narodnicheskom dvizhenii 70-kh – nachala 80-kh gg. XIX veka* [N.K. Mikhailovsky and his ideological role in the populist movement of the 1870s – early 1880s]. Moscow: Nauka.
44. Porokh, I.V. (1963) *Gertsen i Chernyshevskiy* [Herzen and Chernyshevsky]. Saratov: Saratov. kn. izd-vo.
45. Shakhmatov, B.M. (1981) *P.N. Tkachev: etyudy k tvorcheskomu portretu* [P.N. Tkachev: etudes to a creative portrait]. Moscow: Mysl'.
46. Itenberg, B.S. (1988) *P.L. Lavrov v russkom revolyutsionnom dvizhenii* [P.L. Lavrov in the Russian revolutionary movement]. Moscow: Nauka.
47. Pirumova, N.M. (1989) *Aleksandr Gertsen – revolyutsioner, myslitel', chelovek* [Alexander Herzen: a revolutionary, a thinker, a person]. Moscow: Mysl'.
48. Tkachenko, P.S. (1961) *Revolutsionnaya narodnicheskaya organizatsiya "Zemlya i volya" (1876–1879 gg.)* [The revolutionary populist organization "Zemlya i Volya" (1876–1879)]. Moscow: Vyssh. shkola.
49. Itenberg, B.S. (1965) *Dvizhenie revolyutsionnogo narodnichestva: Narodnicheskie krughi i "khozhenie v narod" v 70-kh godakh XIX v.* [The movement of the revolutionary populism: Narodnik circles and "going to the people" in the 1870s]. Moscow: Nauka.
50. Volk, S.S. (1966) *"Narodnaya Volya"* ["People's Will"]. Moscow; Leningrad: Nauka.
51. Shirokova, V.V. (1972) *Partiya narodnogo prava. Iz istorii osvoboditel'nogo dvizheniya 90-kh gg. XIX veka* [Party of the people's right. From the history of the liberation movement of the 1890s]. Saratov: Saratov State University.
52. Belyavskaya, I.M. (1954) *A.I. Gertsen i pol'skoe natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie 60-kh gg. XIX veka* [A.I. Herzen and the Polish national liberation movement of the 1860s]. Moscow: Moscow State University.
53. Tatarinova, L.Ya. (1980) *A.I. Gertsen* [A.I. Herzen]. Moscow: Mysl'.
54. Snytko, T.G. (1969) *Russkoe narodnichestvo i pol'skoe obshchestvennoe dvizhenie (1865–1881 gg.)* [Russian populism and the Polish social movement (1865–1881)]. Moscow: Nauka.
55. Zhigunov, E.K. (1971) *P.L. Lavrov i ego svyazi s pol'skim revolyutsionnym dvizheniem 70-kh – 90-kh gg. XIX veka* [P.L. Lavrov and his ties with the Polish revolutionary movement of the 1870s–1890s]. In: D'yakov, V.A. et al. (eds) *Issledovaniya po istorii pol'skogo obshchestvennogo dvizheniya XIX – nachala XX v.* [Studies on the history of the Polish social movement of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka.
56. Khevrolina, V.M. (1986) *Revolutsionno-demokraticheskaya mysl' o vneshney politike Rossii i mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Revolutionary democratic thought about Russian foreign policy and international relations]. Moscow: Nauka.
57. Tsitskishvili, S.A. (1983) *Domarksistskaya russkaya obshchestvennaya mysl' o natsional'nom voprose* [Pre-Marxist Russian social thought on the national question]. Abstract of History Dr. Dis. Tbilisi.

Received: 08 April 2018